

Тайна сребряного зеркала

Способна ли душа покинуть тело и... вернуться обратно? Погрузившись в транс, профессор фон Баумгартен и его ученик решаются на этот опасный эксперимент, даже зная, что он может стоить им жизни. («Большой эксперимент в Кайнплаце»)

Однажды частный учитель Фрэнк Колмор попадает в загадочный замок Торп. Для всех здесь существует одно странное правило: никогда не заходить в комнату в башне, если в ней находится хозяин замка. Случайно Фрэнк нарушает запрет и становится свидетелем кое-чего необъяснимого и пугающего... («История лакированной шкатулки»)

Человек попадает в автокатастрофу и отделяется легким испугом. Если бы не одно «но»: мужчина начинает видеть старого друга, который умер много лет назад. («Как это случилось»)

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Сборник
мистического
детектива

ТАЙНА
СЕРЕБРЯНОГО
ЗЕРКАЛА

**Сборник
мистического
детектива**

АРТУР КОНАН
ДОЙЛ

ТАЙНА
СЕРЕБРЯНОГО
ЗЕРКАЛА

Сборник

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8574-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с английского *Александра Оржицкого*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Чи здатна душа покинути тіло і... повернутися? Занурившись у транс, професор фон Баумгартен і його учень наважуються на цей небезпечний експеримент, навіть знаючи, що він може вартувати їм життя («*Великий експеримент у Кайнплаці*»). Одного разу приватний вчитель Френк Колмор потрапляє в загадковий замок Торп. Для всіх тут існує одне дивне правило: ніколи не заходити в кімнату в башті, якщо в ній перебуває господар замку. Випадково Френк порушує заборону і стає свідком дечого непоясненого і страшного... («*Історія лакованої скриньки*»). Чоловік потрапив у автокатастрофу, але відбувся легким переляком. Якби не одне «але»: він починає бачити старого друга, який помер багато років тому («*Як це сталося*»).

Дойл А. К.

Д62 Тайна серебряного зеркала : сборник / Артур Конан Дойл ; пер. с англ. А. Оржицкого. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 448 с.

ISBN 978-617-12-8174-5

Способна ли душа покинуть тело и... вернуться обратно? Погрузившись в транс, профессор фон Баумгартен и его ученик решаются на этот опасный эксперимент, даже зная, что он может стоить им жизни («*Большой эксперимент в Кайнплаце*»). Однажды частный учитель Фрэнк Колмор попадает в загадочный замок Торп. Для всех здесь

существует одно странное правило: никогда не заходить в комнату в башне, если в ней находится хозяин замка. Случайно Фрэнк нарушает запрет и становится свидетелем кое-чего необъяснимого и пугающего... («История лакированной шкатулки»). Человек попадает в автокатастрофу и отделяется легким испугом. Если бы не одно «но»: мужчина начинает видеть старого друга, который умер много лет назад («Как это случилось»).

УДК 821.111

© DepositPhotos.com / lifeonwhite, Demian, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2021

Привидения замка Горсторп-Грейндж

Уверен, природа просто не создала меня человеком, добивающимся всего самостоятельно. Порой мне бывает невыносимо от самой мысли о том, что я провел двадцать лет своей жизни, торгуя в бакалейной лавке в лондонском Ист-Энде, и что именно таким путем мне удалось обрести богатство и независимость, став владельцем Горсторп-Грейнджа. Привычки мои консервативны, а вкусы рафинированы и аристократичны. Все мое естество отвергает низменное стадо. Наша семья, д'Одды, уходит своими корнями в доисторическую эпоху — единственно возможное объяснение того факта, что роль, которую она сыграла в британской истории, не упомянута ни одним заслуживающим доверия ученым. Интуиция подсказывает мне, что в моих жилах течет кровь крестоносцев. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, восклицания наподобие «Во славу Пресвятой Девы!», кажется, сами готовы сорваться с моих губ, и я чувствую, что, потребуй того обстоятельства, я был бы вполне способен вскочить в седло и поразить неверного ударом, к примеру, булавы, к вящему его изумлению.

Горсторп-Грейндж — это феодальное имение. Во всяком случае, так о нем говорилось в рекламе, которая изначально привлекла мое внимание. Именно сие прилагательное оказало наибольшее влияние на его цену, так что преимущества, которые дала мне его покупка, имеют скорее сентиментальный, чем реальный характер. И все же меня утешает, что, поднимаясь по лестнице, я прохожу мимо бойниц, в которые могу пускать стрелы; вдобавок обладание сложным приспособлением, позволяющим выливать расплавленный свинец на головы незваных гостей, дает ощущение могущества. Подобные вещи находят живой отклик у моего специфического чувства юмора, так что я не жалею о том, что заплатил за них. Я горжусь своими зубчатыми стенами и открытым сточным рвом, окружающим меня со всех сторон. Горжусь своими воротами с опускной решеткой, донжоном и цитаделью. Лишь одной вещи не хватает моей обители, чтобы ее можно было считать по-настоящему средневековой, чтобы ее

старинный образ обрел завершенность. У Горсторп-Грейнджа нет своего призрака.

Любого человека старомодных вкусов и представлений касательно того, какими должны быть подобные места, огорчала бы подобная неполнота. Однако в моем случае это было особенно досадно. С самого детства я со всей серьезностью изучал сверхъестественное и искренне в него верил. Я захлеб читаю истории о призраках — до тех пор, пока не останется ни одной, которую я бы не знал наизусть. Я выучил немецкий лишь для того, чтобы суметь прочесть книгу по демонологии. Малышом я запирался в темных комнатах в надежде увидеть одно из тех страшилищ, которыми няня так часто пугала меня, и сейчас я воспринимаю все столь же живо, как и тогда. Какое-то время я в гордыне своей думал, что призрак — это роскошь, которую можно купить за деньги.

Не стану вам лгать, в рекламе не говорилось ни слова о привидениях. Однако, осматривая покрытые плесенью стены и окутанные тенями коридоры, я возомнил, что нечто подобное в замке быть просто обязано — точно так же конура предполагает наличие пса; я решил, что просто невозможно, чтобы столь уютная обитель не привлекла какое-нибудь беспокойное порождение теней — а быть может, даже не одно. Святые небеса, что, должно быть, успело натворить за столько-то веков благородное семейство, у которого я приобрел этот замок! Неужто среди них не нашлось никого достаточно дерзкого, чтобы сбежать со своей возлюбленной или совершить еще какой-то шаг, который неизбежно привел бы к появлению передающегося по наследству призрака? Даже сейчас я пишу об этом, с трудом сдерживая свое нетерпение.

Долгое время я без надежды надеялся. Всякий раз, стоило мне слышать писк крысы за стеной панелью либо звук капель дождя, барабанивших по крыше, по моему телу пробегала дрожь дикого возбуждения, словно я наконец напал на след беспокойного духа. Страха я не чувствовал ни разу. Если подобное случалось ночью, я посылал миссис д'Одд — женщину решительную — проверить, в чем дело, а сам накрывал голову одеялом, наслаждаясь экстатическим чувством ожидания. Увы, результат всегда был одним и тем же! Источником подозрительного звука оказывалось нечто столь

абсурдно естественное и тривиальное, что даже самое пламенное воображение не сумело бы наделить его хотя бы ноткой романтики.

Я мог бы примириться с таким положением вещей, если бы не Джоррокс с фермы Хэвисток. Джоррокс — здоровенный, грубый, начисто лишенный фантазии детина, с которым я познакомился лишь потому, что по стечению обстоятельств его поля, как выяснилось, граничили с моими владениями. И все же этот человек, совершенно неспособный ценить археологические находки, оказался владельцем призрака, чья личность была вполне определенной и чье существование отрицать было невозможно. Появился этот призрак, как я полагаю, всего-то во времена правления Георга II, когда некая юная леди перерезала себе горло, услышав о смерти своего возлюбленного в Деттингенском сражении¹. Впрочем, даже такое заставляет ощущать к дому почтение, особенно если на полу сохранились кровавые пятна. Джоррокс даже не осознает, каким сокровищем владеет; а уж выражения, в которых он отзывается о призраке, невозможно слушать, не поморщившись. Он и помыслить не может, как страстно я жажду услышать хотя бы один из тех стонов и ночных воплей, рассказы о которых он сопровождает совершенно ненужной бранью. Когда склонным к вольнодумству призракам дозволено покидать помещиков и, невзирая на какие бы то ни было социальные различия, селиться в домах людей великих, но непризнанных, воцаряется суцая неразбериха.

Человек я по природе упрямый — иначе мне не удалось бы достичь заслуженных высот, учитывая атмосферу непонимания, окружавшую меня в юные годы. Я пребывал в решимости раздобыть призрака, впрочем, как это сделать, не приходило в голову ни мне, ни миссис д'Одд. То, что мне удалось узнать из книг, говорило, что подобные феномены обычно являются результатом преступления. Но коль так, какое именно преступление должно было свершиться и кто должен был его совершить? Меня посетила дикая мысль, что Уоткинса, дворецкого — к примеру, — можно было бы убедить пожертвовать собой или кем-нибудь еще в интересах имения. Я упомянул об этом при нем в полушутливой манере, однако Уоткинса подобная идея не вдохновила. Другие слуги были с его мнением согласны — во всяком случае, иного объяснения их дружному увольнению в тот же день я найти не могу.

— Мой дорогой, — сказала миссис д'Одд однажды после обеда, когда я сидел, мрачно потягивая из кубка сэк — люблю старые добрые названия². — Мой дорогой, этот отвратительный призрак Джоррокса опять что-то бормочет.

— Ну и пусть себе бормочет! — ответил я небрежно.

Сыграв несколько нот на своем клавесине, миссис д'Одд задумчиво устремила взгляд в огонь.

— Я скажу тебе, в чем дело, Арджентайн, — произнесла она наконец, обращаясь ко мне по моему домашнему имени, которое мы обычно использовали вместо Сайласа³, — нам нужно выписать себе призрака из Лондона.

— И как тебе только в голову мог прийти такой идиотизм, Матильда? — заметил я строго. — Кто бы смог нам его раздобыть?

— Мой кузен Джек Брокет смог бы, — ответила она уверенно.

Кузен сей был для нас довольно болезненной темой. Щеголеватый и умный, этот молодой человек пробовал себя во многих делах, однако ему не хватало настойчивости, чтобы добиться успеха хоть в чем-то. В то время он жил в меблированных комнатах в Лондоне, утверждал, что служит генеральным агентом, и, по правде говоря, действительно зарабатывал на жизнь в значительной мере собственным умом. Матильда все устроила так, чтобы бóльшая часть наших дел проходила через его руки — что и вправду избавляло меня от львиной доли беспокойства; однако я видел, что комиссионные Джека обычно превосходят все остальные счета вместе взятые. Именно данный факт заставлял меня противиться любым дальнейшим сделкам с этим молодым джентльменом.

— О да, он смог бы, — настаивала миссис д'Одд, выискивая выражение неодобрения на моем лице. — Помнишь, как хорошо он решил тот вопрос с наверху герба?

— Это было лишь возвращением старого фамильного герба, моя дорогая, — возразил я.

Матильда улыбнулась весьма раздражающей улыбкой.

— Это было еще и возвращением семейных портретов, дорогой, — заметила она. — Ты должен признать, что Джек подобрал их весьма разумно.

Я подумал о длинном ряде лиц, украшавших мой банкетный зал, начиная с дюжего нормандского грабителя, чьими потомками были личности во всевозможных шлемах с плюмажами и с пышными фрезами вокруг шей, и заканчивая хмурым, напоминавшим чем-то графа Честерфилда типом, в агонии опершимся о колонну при вести о том, что его первая рукопись, которую он конвульсивно сжимал в руке, была отвергнута издателем. Я был вынужден признать, что в том конкретном случае Джек справился со своей работой хорошо и что было бы лишь честно, заплатив привычную комиссию, заказать у него семейного призрака, если получить такового вообще представлялось возможным.

Действовать без промедления, когда решение принято, — это одна из моих максим. В следующий полдень я уже поднимался по каменной винтовой лестнице, ведущей в меблированные комнаты мистера Брокета, созерцая цепочку стрелок и отпечатков пальцев на беленой стене, указывавших путь в обитель джентльмена. Как оказалось, подсказки подобного рода были совершенно неуместны, поскольку звук оживленной пляски не мог исходить откуда бы то ни было еще; впрочем, стоило мне оказаться наверху, звук этот сменился мертвой тишиной. Дверь открыл юноша, явно ошарашенный появлением клиента; он проводил меня к моему молодому другу, яростно писавшему что-то в грессбухе. Грессбух, как я впоследствии заметил, лежал вверх ногами.

Произнеся слова приветствия, я сразу перешел к делу.

— В общем, Джек, — сказал я, — мне не хватает духа.

— Да уж, ты сегодня какой-то совсем поникший! — воскликнул кузен моей жены. Сунув руку в корзину для бумаг, он с ловкостью фокусника извлек оттуда бутылку. — Ну да не беда, хорошая выпивка живо вернет тебе присутствие духа!

Я поднял руку в немом протесте против увеселений подобного рода в столь ранний час; впрочем, опустив ее, я осознал, что пальцы мои почти невольно сомкнулись вокруг стакана, пододвинутого ко мне моим юрисконсультom. Я спешно опорожнил его, словно опасаясь, что кто-нибудь может войти и счесть меня пропойцей. Впрочем, по правде говоря, эксцентричность молодого человека казалась мне весьма забавной.

— Я не о том духе, — пояснил я с улыбкой. — Я о привидении. О призраке. Если это возможно, я готов заплатить любую сумму.

— Призрак для Горсторп-Грейнджа? — переспросил мистер Брокет столь невозмутимо, словно я говорил о новом гарнитуре для гостиной.

— Верно, — ответил я.

— Проще простого, — произнес мой компаньон, вновь наполняя мой стакан и игнорируя мои возражения на сей счет. — Посмотрим! — Он взял большую красную записную книжку с алфавитным указателем вдоль края страниц. — Призрак, говоришь? Это буква «п». «П» — перламутр — пилы — патрубки — перчатки — пистолеты — пакетботы. Ага, вот. Призраки. Том девять, раздел шесть, страница сорок один. Прошу прощения!

Взлетев по лестнице, Джек стал рыться в куче гроссбухов, лежавшей на верхней полке. Увидев, что он отвернулся, я подумал о том, чтобы вылить содержимое своего стакана в плевательницу. Впрочем, поразмыслив, я решил опорожнить его традиционным способом.

— Вот! — вскричал мой лондонский агент, с грохотом спрыгивая с лестницы и кладя на стол огромный рукописный том. — У меня все сведено в таблицы, чтобы я в любой момент мог быстро найти то, что нужно. Все в порядке, оно не очень крепкое, — добавил он, вновь наполняя наши стаканы. — Так что мы ищем?

— Призраков, — предположил я.

— Разумеется; страница сорок один. Вот. «Т. Х. Фоулер и сын», Данкел-стрит, поставщики материалов аристократам и прочим господам; торгуют амулетами, приворотными зельями, мумиями, гороскопами. Полагаю, ничего такого, что могло бы заинтересовать тебя.

Я уныло покачал головой.

— «Фредерик Тэбб, — продолжил кузен моей жены. — Единственный связной между живыми и мертвыми. Владелец духов Байрона, Кирка Уайта, Гримальди⁴, Тома Крибба⁵ и Иниго Джонса». Полагаю, он именно тот, кто нам нужен!

— Недостаточно романтично, — возразил я. — Святые небеса! Представь себе призрака с фингалом под глазом и платком, обвязанным вокруг талии. Или выделяющего сальто и говорящего: «Как у вас завтра дела?»

Сама мысль об этом была столь возмутительной, что я опорожнил стакан и вновь его наполнил.

— Вот еще один, — сказал мой компаньон. — «Кристофер Маккарти; сеансы дважды в неделю; посещаем всеми знатными духами древности и современности. Гороскопы, амулеты, магические формулы, послания от умерших». Возможно, он нам поможет. Впрочем, завтра мне нужно будет все разузнать и увидеться с некоторыми из этих ребят. Я знаю, куда они заходят, и я очень удивлюсь, если не смогу подыскать что-нибудь подешевле. На том и порешим, — постановил он, швырнув гроссбух в угол. — А теперь выпьем чего-нибудь.

Выпили мы порядочно — настолько порядочно, что голова у меня на следующее утро едва варилась, и мне не сразу удалось объяснить миссис д'Одд, почему я повесил свои очки и сапоги на крючок вместе с одеждой, прежде чем отправиться спать. Новые надежды, рожденные тем, с какой уверенностью мой агент взялся за дело, позволили мне превозмочь похмелье; я бродил по запутанным коридорам и старомодным комнатам, представляя, каким будет мое ожидаемое приобретение, и решая, в какой части строения его присутствие покажется наиболее гармоничным. После долгих размышлений я остановился на банкетном зале как на месте, в целом наиболее подходящем для приема. Это было длинное помещение с низким потолком, с дорогими гобеленами и интересными семейными реликвиями прежних владельцев. Кольчуги и всевозможное оружие поблескивали в свете огня, а задувавший под дверь ветер заставлял портьеры колыхаться с жутковатым шорохом. В одном конце зала стояло возвышение, на котором в старину накрывали стол для хозяина и его гостей, в то время как вассалы и прислуга трапезничали, сидя на добрую пару футов ниже. Ковров на полу не было, однако по моему указанию его усыпали тростником. Во всем помещении ничто не напоминало о том, что на дворе стоит XIX век, не считая моего собственного блюда из чистого серебра с восстановленным фамильным гербом, лежавшего на дубовом столе в центре зала. Это, решил я, и должна быть комната с призраком, если кузену моей жены удастся договориться с торговцами духами. Теперь оставалось лишь терпеливо дожидаться вестей о его поисках.

Письмо пришло через несколько дней — короткое, но обнадеживающее. Оно было нацарапано карандашом на обратной стороне театральной программки и запечатано, судя по всему, топталкой для табака. «Я напал на след, — говорилось в нем. — У профессиональных спиритов ничего не нашлось, однако вчера я повстречал в пабе малого, который говорит, что может для тебя все устроить. Отправлю его к тебе, если ты не телеграфируешь об обратном. Звать его Абрахамс, и он уже пару раз занимался такими делами». Заканчивалось письмо невнятным намеком на выписывание чека; внизу стояла подпись моего любящего кузена Джека Брокета.

Стоит ли говорить, что я ни о чем не телеграфировал и стал с сильнейшим нетерпением дожидаться прибытия мистера Абрахамса. Несмотря на мою веру в сверхъестественное, я с трудом мог поверить в то, что кто-либо из живущих обладал такой властью над миром духов, чтобы торговать привидениями, выменивая их на презренный металл. И все же Джек ручался, что таковая торговля имела место; ручался, что есть некий джентльмен с иудейским именем, готовый предоставить доказательства этого. Сколь вульгарным и тривиальным покажется призрак XVIII века, обитающий у Джоррокса, если мне удастся заполучить настоящее средневековое привидение! Я почти подумал, что одного такого духа мне прислали авансом, когда, прогуливаясь перед сном вдоль рва, наткнулся на темную фигуру, изучавшую устройство моих опускной решетки и подъемного моста. Впрочем, то, как незнакомец, вздрогнув от неожиданности, скрылся во тьме, быстро убедило меня в его земной природе; я счел его воздыхателем одной из моих прислужниц, томившимся на берегу грязного Геллеспонта, отделявшего его от возлюбленной. Кем бы этот человек ни был, он исчез и больше не вернулся, хотя я некоторое время и послонялся у моста в надежде разглядеть его получше и поступить с ним сообразно моему праву феодала.

Джек Брокет сдержал свое слово. На следующий день, когда вокруг Горсторп-Грейнджа уже начинали сгущаться сумерки, звон колокольчика и скрежет подъемного механизма возвестили о прибытии мистера Абрахамса. Я поспешил вниз, чтобы встретить гостя, почти ожидая увидеть толпящихся у него за спиной призраков. Впрочем, торговец призраками оказался не тем болезненного вида человеком с печальными глазами, которым я его себе представлял; это был

коренастый толстячок, чьи глаза сверкали пронизательностью и на чьих губах все время играла жизнерадостная, пусть и несколько деланая улыбка. Его единственный товар, похоже, был спрятан в небольшой кожаной сумке, тщательно застегнутой и стянутой ремнями; когда гость положил ее на плиточный пол в коридоре, сумка металлически звякнула.

— Ну так как вы поживаете, сэр? — спросил он, самым энергичным образом выкручивая мне руку. — А хозяйюшка-то как? А все остальные — как у них со здоровьем?

Я дал понять, что дела у нас идут довольно неплохо, однако мистер Абрахамс издали разглядел миссис д'Одд и принялся засыпать ее вопросами о здоровье, задавая их с такой искренностью, что я бы не удивился, если бы он закончил этот перекрестный допрос, проверив у моей жены пульс и попросив ее показать язык. Все это время он не прекращал вращать своими маленькими глазками, переводя их с пола на потолок и обратно; всякий раз, когда он бросал взгляд на какой-нибудь предмет мебели, его взгляд становился понимающим.

Не обнаружив ни у кого из нас патологического состояния и удовлетворившись этим, мистер Абрахамс проследовал со мной наверх, где для гостя был накрыт стол, за которым он весьма щедро угостился. Его таинственная маленькая сумка лежала у него под стулом на протяжении всего ужина. Лишь когда со стола убрали и мы остались вдвоем, мистер Абрахамс перешел к делу, которое его сюда и привело.

— Как я понимаю, — заметил он, раскурив индийскую сигару, — вам нужна моя помощь в том, чтобы оснастить этот дом привидением?

Я ответил, что его предположение верно, не прекращая думать о его беспокойном взгляде, продолжающем бегать по комнате так, словно он проводил инвентаризацию.

— Тогда вам не найти лучшего человека для подобного дела, да и искать не стоит, — заметил мой компаньон. — Тому молодому сударю, который заговорил со мной у стойки в «Хромом псе», я ведь че сказал? «Сможете такое повернуть?» — спросил он. «А вы меня проверьте, — сказал я. — Меня и мою сумку. Просто проверьте». Воистину, так и сказал.

Я почувствовал, что мое уважение к деловой хватке Джека Брокета серьезно возрастает. Он явно решил вопрос наилучшим образом.

— Вы ведь не хотите сказать, что ходите повсюду с сумкой, полной призраков? — заметил я недоверчиво.

Мистер Абрахамс одарил меня улыбкой человека, которому доступно высшее знание.

— Вы погодите, — произнес он. — Дайте мне подходящее место в подходящий час да чуток эссенции лукоптолика, — он извлек из кармана своего жилета маленький флакончик, — и вы не найдете призрака, который был бы мне не по зубам. Вы сами их увидите и выберете того, что вам по душе, истинно говорю.

Так как все заявления мистера Абрахамса касательно истинности его слов сопровождались хитрым подмигиванием, хотя его глаза и без того были плутоватыми, чистосердечие их обладателя вызывало определенные сомнения.

— Когда вы собираетесь это сделать? — спросил я почтительно.

— Без десяти час, — сказал мистер Абрахамс решительно. — Некоторые говорят «полночь», но по мне — без десяти час, когда нету такого столпотворения и вы можете выбрать своего собственного призрака. А сейчас, — продолжил он, вставая, — полагаю, вам лучше всего будет провести меня по комнатам и показать мне, где б вам хотелось его поселить, ведь одни места их привлекают, а о других они и слышать не хотят и готовы селиться где угодно, но только не в них.

Мистер Абрахамс осматривал наши коридоры наблюдательным взглядом опытного критика, с понимающим видом касаясь гобеленов и повторяя вполголоса: «Чудесно, просто чудесно». Впрочем, настоящим восторгом его восхищение сменилось, лишь когда мы добрались до банкетного зала, который я выбрал сам.

— Вот оно! — воскликнул мистер Абрахамс, танцуя с сумкой в руке вокруг стола, на котором лежало мое блюдо; видом своим он и сам напоминал какого-то причудливого мелкого гоблина. — Вот оно; лучше не придумаешь! Чудесная комната — благородная, солидная, никакого тебе гальванизированного барахла! Как раз то, что нужно, сэр. Вдоволь места, чтоб они могли парить. Распорядитесь принести бренди и сигар; я здесь все подготовлю — работенка-то куда как более кропотливая, чем можно подумать; с ними, призраками, нужно немало времени, пока до них дойдет, с кем они имеют дело. Окажись вы в комнате, они б, не ровен час, вас в ключья порвали. Оставьте меня,

чтоб я с ними разобрался, а в полпервого приходите; к тому времени они уже достаточно успокоятся, даю слово.

Просьба мистера Абрахамса показалась мне разумной, так что я оставил его сидеть с ногами на каминной полке и посредством возлияний готовить себя к встрече с несговорчивыми визитерами. Находясь внизу вместе с миссис д'Одд, я слышал, как он, посидев некоторое время, встал и принялся мерить зал быстрыми нетерпеливыми шагами. Затем мы услышали, как мистер Абрахамс проверил дверной замок, после чего поволок к окну какой-то тяжелый предмет мебели, на который, судя по всему, залез, поскольку до меня донесся звук заскрипевших ржавыми петлями оконных створок с ромбовидными стеклами, которые, как мне было известно, располагались в нескольких футах выше, чем коротышка мог дотянуться. Миссис д'Одд утверждала, что после этого слышала, как он быстро что-то шептал, — впрочем, это могло быть игрой ее воображения. Признаюсь, я был впечатлен сильнее, чем ожидал. Мысль об одиноком смертном, стоящем у открытого окна и призывающем из царившего снаружи мрака духов мертвых, внушала какое-то странное благоговение. Я вряд ли сумел бы скрыть от Матильды тот трепет, с которым заметил, что стрелки часов добрались до половины первого и что мне пора присоединиться к бдению моего гостя.

Когда я вошел, мистер Абрахамс сидел в той же позе, в которой я его оставил; ничто не указывало на подслушанные мной таинственные перемещения, не считая игравшего на его полном лице румянца — признака недавнего напряжения.

— Получилось? — спросил я, входя в комнату и стараясь выглядеть настолько небрежно, насколько это было возможно, однако невольно окинув взглядом комнату, чтобы увидеть, одни ли мы.

— Для завершения нужна лишь ваша помощь, — ответил мистер Абрахамс торжественно. — Вы сядете рядом со мной и примете эссенцию лукоптолика, которая срывает пелену с наших земных очей. Что бы вы ни увидели, молчите и не двигайтесь, иначе вы разрушите заклятье.

В нем читалась какая-то подавленность, а от его типичной для кокни грубоватости не осталось и следа. Сев в указанное им кресло, я принялся дожидаться результата.

Мой компаньон расчистил участок пола вокруг нас от тростника и, опустившись на четвереньки, мелом начертил на нем полукруг, отделивший нас и камин от остальной части зала. Вдоль края этого полукруга он нарисовал несколько иероглифов, напоминавших символы знаков зодиака. Затем мистер Абрахамс встал и испустил протяжный зов, столь быстрый, что он звучал как одно гигантское слово на каком-то грубом гортанном наречии. Закончив молитву — если это было молитвой, — он достал маленький флакончик, который мне уже довелось видеть ранее, и налил пару чайных ложек прозрачной жидкости в чашу, которую и вручил мне, дав понять, что я должен выпить ее содержимое.

У жидкости был едва различимый сладковатый аромат, напоминавший аромат некоторых сортов яблок. Мгновение я колебался, не решаясь поднести чашу к губам, однако нетерпеливый жест моего компаньона положил моим сомнениям конец, и я залпом ее осушил. Вкус не был неприятен, так что, поскольку никакого немедленного эффекта не последовало, я откинулся на спинку кресла, готовясь к тому, что меня ждало. Мистер Абрахамс сел рядом со мной; я чувствовал, что он то и дело поглядывает на мое лицо, не забывая, впрочем, повторять воззвание, которое прозвучало из его уст чуть раньше.

Постепенно меня начало охватывать ощущение приятной теплоты и слабости, вероятно, из-за жара огня, но и еще по какой-то необъяснимой причине. Мне невыносимо захотелось спать, и мои глаза начали слипаться; однако в то же время мой мозг активно работал; в нем пронеслась сотня прекрасных и сладостных мыслей. Я ощущал такую вялость, что, когда мой компаньон положил руку мне на сердце, словно желая проверить, как оно бьется, я не только не попытался ему помешать, но даже и не спросил его, зачем он это делает. Казалось, все в комнате кружится вокруг меня в каком-то сонном танце. Огромная лосиная голова, висевшая в дальнем ее конце, торжественно раскачивалась, а массивные подносы на столах выплясывали котильоны вместе с ведерком для льда и канделябром. Моя голова тяжело упала на грудь, и я бы лишился чувств, не приведи меня в сознание открывшаяся в другом конце зала дверь.

Дверь выводила на возвышение, где, как я уже упомянул, трапезничали хозяева дома. Сжав руки, я сидел в своем кресле,

полными ужаса глазами глядя, как она медленно открывается, являя взору темный проход. В проходе показалось нечто — нечто бесформенное и бестелесное, но все же оно явно было чем-то. Я смотрел, как оно, подобно тусклой тени, перелетает через порог; по комнате пронесся порыв холодного ветра, который, казалось, пронзил меня насквозь, оледенив само сердце. Я ощущал таинственное присутствие; затем я услышал голос, подобный дуновению восточного ветра среди сосен на берегу пустынного моря.

— Я — невидимое отсутствие всякой сущности. Я имею склонности, и мне присуща неуловимость. Я — порождение электричества, магнетизма и спиритизма. Мои вздохи тяжелы и эфирны. Я убиваю собак. Выберешь ли ты меня, смертный?

Я хотел ответить, однако горло мое сдавило; и, прежде чем я сумел произнести хоть слово, тень скользнула через зал и скрылась во тьме, царившей на другой его стороне; по дому разнесся протяжный печальный вздох.

Я вновь устремил взгляд на дверь и, к своему изумлению, увидел крохотную старушку, которая, хромя, вошла из коридора в зал. Пройдя по нему взад-вперед несколько раз, она присела у края полукруга, явив взгляду лицо, выражение чистой злобы на котором я не смогу забыть никогда. Казалось, каждая гнусная страсть оставила на этой отвратительной физиономии свой отпечаток.

— Ха-ха! — завопила она, растопырив свои иссохшие пальцы подобно когтям неопрятной птицы. — Ты видишь, что я собой представляю. Я — дьявольская старуха. Я ношу желто-бурые шелка. Мое проклятие нисходит на людей. Сэр Вальтер был ко мне равнодушен. Буду ли я твоей, смертный?

Мне удалось в ужасе покачать головой, в ответ на что она, замахнувшись на меня костылем, исчезла с жутким криком.

Однако глаза мои к тому моменту словно сами собой устремились к открытой двери, и я уже почти не удивился виду вошедшего в нее высокого мужчины с благородной осанкой. Лик его был мертвенно-бледен, однако с ним резко контрастировала темная челка ниспадавших назад волос. Подбородок мужчины украшала короткая острая бородка. На нем были свободные, но все же подогнанные по фигуре одежды, сшитые, судя по всему, из желтого шелка с большой белой фрезой. Пройдя через комнату медленным величественным

шагом, он обернулся и заговорил со мной приятным голосом с изысканными модуляциями.

— Я — рыцарь. Я — тот, кто пронзает, и тот, кто пронзен. Вот моя шпага. Я звеню сталью. На сердце моем кровавое пятно. Я могу испускать глухие стоны. Мне покровительствовало немало старых консервативных семей. Я — изначальное привидение поместья. Я работаю один или в компании визжащих девиц.

Он вежливо склонил голову, словно ожидая моего ответа, однако мое горло вновь сдавило, и я вновь не смог произнести ни слова; низко поклонившись, призрак исчез.

Впрочем, еще до его ухода меня охватило чувство сильного страха, и я ощутил присутствие в комнате жуткого существа смутных очертаний и неопределенных размеров. Оно, казалось, то заполняло собой все помещение, то становилось невидимым, всегда, впрочем, оставляя явственное ощущение своей близости. Когда существо заговорило, голос его был дрожащим и прерывистым.

— Я — тот, кто оставляет следы и капли крови. Я блуждаю по коридорам. Чарльз Диккенс сделал на меня намек. Я издаю странный и неприятный шум. Я выхватываю письма и кладу невидимые руки людям на запястья. Я весел. Я раздражаюсь жутким смехом. Рассмеяться ли мне сейчас?

Я отрицательно поднял руку, однако слишком поздно для того, чтобы остановить неприятный хохот, эхом отразившийся от стен комнаты. Привидение исчезло еще до того, как я успел опустить руку.

Я повернул голову к двери как раз вовремя, чтобы увидеть человека, спешно и украдкой вошедшего в комнату. Это был загорелый крепкий детина с серьгами в ушах и небрежно повязанным вокруг шеи каталонским платком. Голова мужчины была склонена на грудь, и весь его вид выдавал в нем человека, терзаемого невыносимыми угрызениями совести. Он метался взад и вперед подобно тигру в клетке, и я заметил блестящий у него в одной руке нож, в то время как другая сжимала нечто, выглядывшее как кусок пергамента. Когда он заговорил, его голос был глубоким и звучным.

— Я убийца, — сказал он. — Я негодяй. Я хожу украдкой. Ступаю беззвучно. Я немало знаю об Испанском Мэйне⁶. Умею искать утраченные сокровища. У меня есть карты. Я силен и хороший ходок. Могу наводить страх в большом парке.

Он с мольбой взглянул на меня, однако прежде, чем я успел ему ответить, ужас парализовал меня при виде возникшего в дверях кошмарного фантома.

Это был чрезвычайно высокий человек — если это вообще можно было назвать человеком; длинные кости выпирали сквозь свинцового цвета гниющую плоть. Фигуру окутывал саван, накинутый на голову как капюшон, из-под которого выглядывали два дьявольских глаза, глубоко сидевших в своих жутких глазницах, пылая подобно раскаленным докрасна уголькам. Нижняя челюсть отвисла на грудь, являя взору сморщенный, иссохший язык и два ряда неровных черных клыков. Содрогнувшись, я вжался в кресло при виде того, как это ужасное привидение двинулось к краю полукруга.

— Я — американский кошмар, — сказало оно, и голос его, казалось, исходил из-под земли. — Все остальные — фальшивки. Я — воплощение Эдгара Аллана По. Я косвенно и кошмарно. Я низменный призрак, подчиняющий дух. Узри мою кровь и мои кости. Я жуток и тошнотворен. Я не нуждаюсь ни в чем рукотворном. Работаю с погребальными одеждами, крышкой гроба и гальванической батареей. Заставляю волосы сесть в ночи.

Сущность протянула ко мне свои лишенные плоти руки, словно в мольбе, однако я покачал головой, и она исчезла, оставив после себя жуткую, тошнотворную, невыносимую вонь. Я осел в своем кресле, настолько подавленный чувством ужаса и отвращения, что готов был отказаться от самой идеи занять себе призрака, будь я уверен, что этот стал последним в ужасной процессии.

Однако тихое шуршание одежд сказало мне, что он не был таковым. Подняв взгляд, я узрел белую фигуру, вышедшую из коридора на свет. Когда она переступила порог, я увидел, что это молодая красивая женщина, одетая по моде давно минувших дней. Ее руки были сложены, а на бледном горделивом лице читались следы страсти и страдания. Она пересекла зал с мягким звуком, подобным шороху осенней листвы, после чего, устремив на меня свои прекрасные и невыразимо печальные глаза, произнесла:

— Я грустна и сентиментальна. Та, что прекрасна, и та, кем воспользовались. Я была покинута и предана. Я кричу в ночи и скольжу по коридорам. Мои предки весьма почтенны и большей частью аристократичны. Мои вкусы эстетичны. Старая дубовая мебель

вроде этой подошла бы, если к ней добавить еще немного кольчуг и много гобеленов. Неужели ты не возьмешь меня?

Ее красивый голос затих, и она умоляюще протянула ко мне руки. Я всегда был подвержен женскому влиянию. Вдобавок чем был бы призрак Джоррокса рядом ней? Можно ли представить себе выбор, сделанный с более безупречным вкусом? Разве не рисковал бы я причинить вред собственной нервной системе, общаясь с сущностями вроде моего последнего визитера? Не лучше ли наконец сделать выбор? Женщина улыбнулась мне ангельской улыбкой, словно читая мои мысли. Улыбка эта все и решила.

— Она подойдет! — вскричал я. — Я выбираю ее.

В порыве энтузиазма я шагнул к ней и переступил через окружавший меня магический полукруг.

— Арджентайн, нас обокрали!

Я смутно осознавал произнесенные слова — точнее, крик; он повторялся вновь и вновь, а я все никак не мог осознать его смысл. Ужасный стук в моих висках, казалось, подстраивался под их ритм, и я закрыл глаза под звуки колыбельной «Обокрали-обокрали-обокрали». Однако я вновь открыл их оттого, что меня сильно встряхнули, и вид миссис д'Одд в самом скудном одеянии и самом гневном расположении духа был достаточно впечатляющим для того, чтобы я сумел собраться с мыслями и понять, что я лежу на спине на полу, головой в пепле, насыпавшемся вчера из камина, и с небольшой стеклянной чашей в руке.

Шатаясь, я поднялся на ноги, однако ощутил такие слабость и головокружение, что мне пришлось упасть в кресло. Когда в моем мозгу, подхлестываемом восклицаниями Матильды, прояснилось, я начал постепенно вспоминать ночные события. Дверь, в которую один за другим входили мои сверхъестественные визитеры. Начерченный мелом полукруг с иероглифами по краю. Портсигар и бутылка бренди, которые почтил своим вниманием мистер Абрахамс. Но вот сам провидец — где же он? И что значит это открытое окно со свисающей из него веревкой? И где же, о где же гордость Горсторп-Грейнджа, славное блюдо, бывшее радостью целых поколений д'Оддов? И почему миссис д'Одд стояла в сером расцветном сиянии, ломая руки и повторяя один и тот же монотонный рефрен? Лишь очень

медленно мой затуманенный разум осознал все эти вещи и сумел увидеть между ними связь.

С тех пор, читатель, я никогда больше не видел мистера Абрахамса; никогда я больше не видел и блюда с гравировкой в виде восстановленного семейного герба; но, что тяжелее всего, мне никогда больше не довелось увидеть печальное привидение в длинном платье, и я не жду, что когда-либо его увижу. Впрочем, пережитое мною той ночью излечило меня от страсти ко всему сверхъестественному и примирило с мыслью о жизни в банальном здании XIX века на окраине Лондона, давно приглянувшемся миссис д'Одд.

Что до объяснений произошедшего, то их может быть несколько. Объяснение, заключавшееся в том, что охотник за призраками мистер Абрахамс был тем же самым человеком, что и Джемми Уилсон, прозванный Ноттингемским Взломщиком, считали наиболее вероятным в Скотланд-Ярде, да и описание внешности этого знаменитого вора очень подходило моему гостю. Описанную мной небольшую сумку нашли в близлежащем поле на следующий же день, и в ней обнаружился богатый выбор фомок и буравчиков. Следы, глубоко отпечатавшиеся в грязи по обе стороны рва, говорили, что внизу стоял сообщник, принявший мешок с драгоценным металлом, который ему спустили из окна. Нет сомнений, что двое негодяев, искавших, где бы пожить, услышав неосторожные расспросы Джека Брокета, решили немедленно воспользоваться представившейся им соблазнительной возможностью.

Но вот что до моих менее телесных визитеров и любопытного гротескного видения, которым мне довелось насладиться, — стоит ли мне приписать их некой реальной власти над оккультным, коей обладал мой ноттингемский приятель? Долгое время я сомневался на этот счет и в конце концов решил проконсультироваться у известного аналитика и медика, отправив ему так называемую эссенцию лукоптолика, несколько капель которой осталось в моей чаше. Я прилагаю полученное от него письмо, будучи весьма рад возможности завершить свой небольшой рассказ весомыми словами ученого человека:

Арундел-стрит

Дорогой сэръ!

Ваш исключительный случай крайне меня заинтересовал. Флакон, который Вы прислали, содержал сильный раствор хлорала⁷, и количество, которое Вы, по Вашим словам, приняли, должно быть равным как минимум восьмидесяти гранам⁸ чистого гидрата. Разумеется, подобная доза частично лишила бы Вас чувств, после чего Вы впали бы в состояние полной комы. Для полубессознательного состояния хлорализма вполне обычными являются самые разнообразные и причудливые видения — особенно в случае людей, непривычных к приему данного препарата. Вы говорите мне о своей увлеченности историями о призраках и о том, что давно испытываете нездоровый интерес к классификации и запоминанию различных форм, которые, как утверждается, принимают привидения. Вы также должны помнить, что ожидали увидеть нечто подобной природы и что Ваша нервная система была неестественно напряжена. В подобных обстоятельствах я не только полагаю, что в таком исходе нет ничего удивительного, — как человек, сведущий в наркотиках, я удивился бы отсутствию подобного эффекта.

*Искренне Ваш,
Т. Е. Штубе, доктор медицинских наук*

Арджентайн д’Одд, эсквайр. Элм, Брикстон.

¹ Битва, состоявшаяся 27 июня 1743 года между т. н. «прагматической армией» (австрийско-англо-ганноверской коалицией) и французскими силами под командованием маршала Адриана-Мориса де Ноая у баварского селения Деттинген в ходе Войны за австрийское наследство и завершившаяся победой коалиции. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Сэк (англ. *sack*) — английское архаичное название хереса.

³ Английская игра слов: *Silas — Silver — Argentine* — «Серебряный».

⁴ Джозеф Гримальди (1778—1837) — английский актер итальянского происхождения, считающийся отцом современной клоунады.

⁵ Английский боксер без перчаток XIX века, чемпион мира.

⁶ Принятое у английских пиратов название северного побережья Южной Америки.

⁷ Хлоралгидрат — снотворное и седативное средство.

⁸ Гран — устаревшая единица измерения массы, равная 0,065 грамма.

Топор с серебряной рукоятью

Третьего декабря 1861 года доктор Отто фон Гопштейн, императорский профессор сравнительной анатомии Будапештского университета и куратор Академического музея, был гнусно и жестоко убит броском камня со стороны входа во двор факультета.

Помимо высокой должности жертвы и любви, которую к нему испытывали как студенты, так и горожане, были и другие обстоятельства, вызвавшие большой общественный интерес к его убийству и привлекая к нему внимание всей Австро-Венгрии. На следующий день в газете «Пештер Абендблатт» вышла статья, с которой любопытствующие до сих пор могут ознакомиться и несколько отрывков из которой я переведу, дав сжатый отчет об обстоятельствах убийства и тех его подробностях, которые поставили венгерскую полицию в тупик.

«Похоже, — говорилось в замечательнейшей газете, — что профессор фон Гопштейн покинул университет примерно в полпятого вечера, чтобы встретить поезд, который должен был прибыть из Вены в три минуты шестого. Профессора сопровождал его давний и дорогой друг, герр Вильгельм Шлезингер, субкуратор музея и приват-доцент химии. Двое господ намеревались встретить данный конкретный поезд, дабы получить наследство, завещанное графом фон Шуллингом Будапештскому университету. Всем хорошо известно, что этот несчастный благородный господин, чья трагическая судьба все еще свежа в общественной памяти, завещал свою уникальную коллекцию средневекового оружия, а также несколько бесценных готических изданий музею своей альма-матер, чтобы обогатить его и без того знаменитые фонды. Энтузиазм достойного профессора в таких вопросах был слишком велик, чтобы доверить получение либо хранение сего ценного наследства кому-либо из подчиненных; так что с помощью герра Шлезингера он выгрузил всю коллекцию из поезда и уложил ее в повозку, присланную руководством университета. Большинство книг и более хрупких предметов были запакованы в сосновые ящики, однако оружие по большей части просто уложили на солому. Подобная работа требовала немалых усилий, однако профессор из страха повредить что-нибудь не позволил никому из

служащих железной дороги (*Eisenbahndiener*) помогать ему. Каждый предмет герр Шлезингер проносил через железнодорожную платформу и вручал профессору Гопштейну, укладывавшему его в повозку. Погрузив все, двое господ, как и велел им долг, повезли дар графа в университет; профессор был в прекрасном расположении духа и весьма гордился тем физическим трудом, на который оказался способен. Пока встретившие повозку сторож Рейнмауль и его друг, богемский еврей по фамилии Шиффер, разгружали ее, профессор перешучивался с ними, а затем, оставив свои древности под защитой складских стен и заперев дверь, вручил ключи субкуратору и отправился в свои покои. Шлезингер, в последний раз все оглядев, дабы убедиться, что все в порядке, также ушел, оставив Рейнмауля и его друга Шиффера курить в сторожке.

В одиннадцать, примерно через полтора часа после ухода Гопштейна, солдат Четырнадцатого Егерского полка, шедший мимо здания университета в казармы, наткнулся на безжизненное тело профессора, лежавшее у обочины. Профессор упал ничком, вытянув обе руки. Голова его буквально раскололась надвое от ужасной силы удара, который предположительно был нанесен сзади, поскольку на лице старика застыла мирная улыбка, словно он все еще размышлял о приобретенных археологических находках в момент, когда смерть застигла его. Других следов насилия на его теле обнаружено не было, не считая синяка на левом колене, причиной которого, вероятно, стало падение. Загадочнее всего то, что кошелек профессора с сорока тремя гульденами остался не тронут, равно как и его дорогие часы. Таким образом, ограбление явно не может быть мотивом совершенного преступления, если только убийц не спугнули до того, как они успели завершить свое дело.

Однако подобное предположение опровергает тот факт, что тело пролежало на земле не меньше часа, прежде чем было найдено. Все произошедшее окутано тайной. Доктор Лангеманн, уважаемый судмедэксперт, постановил, что рана, обнаруженная на голове профессора, могла быть нанесена штык-мечом, который держала сильная рука. Полиция делится подробностями случившегося крайне неохотно, и есть мнение, что у нее могут быть улики, способные пролить свет на важные обстоятельства этого дела».

Так писала «Пештер Абендблатт». Полицейское расследование успехом не увенчалось: ему ни в малейшей мере не удалось пролить свет на произошедшее. Убийца исчез без следа, и даже самые изобретательные умы не могли измыслить причину, которая толкнула бы кого-то на столь ужасное злодеяние. Покойный профессор был человеком, настолько погруженным в свои научные изыскания, что жил в отрыве от мира и однозначно не мог вызвать ни малейшей враждебности ни в одном человеческом сердце. Должно быть, какой-то дьявол, какой-то дикарь, любивший кровопролитие ради кровопролития, нанес этот безжалостный удар.

Но хоть власти и не сумели прийти к какому бы то ни было выводу, народная молва быстро нашла козла отпущения. В первом опубликованном отчете об убийстве фигурировало имя некоего Шиффера, который остался со сторожем после ухода профессора. Шиффер был евреем, а евреев в Венгрии никогда особенно не любили. Люди немедленно стали требовать его ареста, однако, по причине отсутствия малейших улик, которые указывали бы на его вину, власти поступили как должно и отказались чинить подобный произвол. Рейнмауль, бывший гражданином пожилым и почтенным, торжественно поклялся, что Шиффер оставался с ним до тех пор, пока испуганный крик солдата не заставил их обоих броситься на место трагедии. Рейнмауля в совершении подобного злодеяния никто обвинить бы не посмел; и все же поползли слухи, что его давняя и широко известная дружба с Шиффером могла заставить сторожа солгать, чтобы защитить его. Народ таким слухам поверил сразу, так что Шиффер уже начинал опасаться, что над ним могут учинить самосуд, когда случилось нечто, представившее все в совершенно ином свете.

Утром 12 декабря, всего через девять дней после загадочного убийства профессора, окоченевший труп богемского еврея Шиффера был найден у северо-западного края Гранд-плаца; труп был настолько изуродован, что его едва можно было опознать. Голова его была рассечена точно тем же образом, что и голова фон Гопштейна, а на теле оказалось несколько глубоких ран, выглядевших так, словно убийца был настолько вне себя от ярости, что продолжал рубить уже безжизненную жертву. За день до этого выпал снег, чья толщина на площади составляла не меньше фута в высоту; ночью он продолжал

сыпать, на что указывал его слой, укрывавший убитого подобно савану. Поначалу возникла надежда, что это обстоятельство позволит определить направление следов убийцы; но, увы, убийство было совершено в месте, настолько оживленном в дневные часы, что бесчисленные следы вели во всех направлениях, которые только можно вообразить. Вдобавок вновь выпавший снег настолько их изгладил, что использовать эти следы в качестве улики не представлялось возможным.

Преступление это оказалось столь же неразрешимой загадкой с полнейшим отсутствием мотива, что и убийство профессора фон Гопштейна. В кармане мертвеца была найдена записная книжка со значительной суммой золотом и несколькими весьма ценными чеками, которую никто даже не пытался вытащить. Сложно было помыслить, чтобы кто-то, кому он давал в долг (что было первым предположением полиции), решив избежать выплаты подобным образом, оставил столь ценный трофей. Шиффер проживал вместе со сдававшей ему жилье вдовой по имени Груга по адресу улица Марии-Терезии, 49, и, согласно свидетельствам домовладелицы и ее детей, весь предшествовавший день провел, запершись в своей комнате в состоянии глубокой подавленности из-за народных подозрений. Вдова слышала, как примерно в одиннадцать вечера Шиффер вышел на свою последнюю роковую прогулку, и, поскольку у него был ключ, она отправилась спать, не став дожидаться его возвращения. Причина столь поздних блужданий была очевидна: Шиффер опасался, что его узнают на улицах.

Второе убийство почти сразу после первого ввергло не только Будапешт, но и всю Венгрию в состояние невероятного возбуждения и даже страха. Неопределенная опасность, казалось, нависла над каждым. Наша страна переживала нечто подобное лишь во время убийств Уильямса, описанных де Квинси⁹. Между убийствами фон Гопштейна и Шиффера было столько общего, что в их связи не сомневался никто. Отсутствие мотива и факта грабежа, равно как и любого намека на личность убийцы, не говоря уже о чудовищных ранах, явно нанесенных одним и тем же оружием, — все это могло говорить лишь об одном. Именно так обстояли дела, когда случились происшествия, о которых я намереваюсь рассказать, и, дабы они стали

понятны, мне придется продолжить свое повествование, зайдя с совсем другой стороны.

Отто фон Шлегель был младшим сыном старой силезской семьи. Отец изначально хотел, чтобы сын стал военным, однако по совету учителей, обнаруживших у юноши удивительный талант, отправил его в Будапештский университет изучать медицину. Во время учебы юный Шлегель отличался потрясающей успеваемостью и обещал стать самым блестящим выпускником за много лет. Он посвящал много времени книгам, однако книжным червем его назвать было нельзя: это был сильный, активный молодой человек, полный живости и обладавший неукротимым духом, в котором ощущалось что-то первобытное; другие студенты его просто обожали.

Новогодние экзамены вот-вот должны были начаться, и Шлегель трудился в поте лица — с таким усердием, что странные убийства в городе и атмосфера всеобщего возбуждения почти не отвлекали его от занятий. В канун Рождества, когда каждый дом светился праздничными огнями, а из пивных и студенческого квартала доносился рев пьяных песен, он, устав отбиваться от сыпавшихся на него приглашений, взял книги под мышку и отправился к Леопольду Штраусу, с которым и занимался до глубокой ночи.

Штраус и Шлегель были закадычными друзьями. Оба были силезцами и знали друг друга с мальчишества. Их дружба стала в университете притчей во языцех. Штраус был почти таким же блестящим студентом, как и Шлегель, и соперничество между двумя земляками в борьбе за академические отличия не утихало ни на мгновение, что, впрочем, лишь укрепляло их дружбу, прибавляя к ней элемент взаимного уважения. Шлегель восхищался неизменной отвагой и вечной жизнерадостностью своего друга детства, в то время как последний считал Шлегеля, с его множеством талантов и многогранными знаниями, самым одаренным из смертных.

Друзья все еще работали вместе, один — корпя над анатомическим фолиантом, другой — держа в руке череп и отмечая на нем различные участки, упоминавшиеся в тексте, когда колокол церкви Святого Григория пробил полночь.

— Слышишь? — произнес Шлегель, захлопнув книгу и протянув свои длинные ноги к веселому огню. — Это же рождественская ночь, старый друг! Да не будет она последней, проведенной нами вместе!

— И да сдадим мы все эти проклятые экзамены до наступления следующей! — отозвался Штраус. — Но слушай, Отто: бутылка вина нам не повредит. Я как раз приберегу одну на такой случай.

С улыбкой на своем честном южногерманском лице он вытащил из сваленных в углу грудой книг и костей бутылку с длинным горлышком, в которой был рислинг.

— В такую ночь лучше всего сидеть дома, — сказал Отто фон Шлегель, глядя на заснеженный пейзаж, — ведь на улице холод собачий. Твое здоровье, Леопольд.

— *Lebe hoch!*¹⁰ — отозвался его товарищ. — Воистину приятно забыть о клиновидных и решетчатых костях, пусть даже на мгновение.

А какие вести от корпорации¹¹, Отто? Граубе уже дрался со швабом?

— Завтра дерутся, — ответил фон Шлегель. — Боюсь, нашему красоте-то попортят. Руки у него коротковаты. Впрочем, подвижность и навыки могут склонить чашу весов в его сторону. Говорят, его висячая стойка — это хорошая защита.

— А о чем еще новом говорят среди студентов? — спросил Штраус.

— Полагаю, ни о чем, кроме убийств, они не говорят. Но, как тебе известно, я в последнее время много работал и к сплетням особо не прислушивался.

— А у тебя было время взглянуть на те книги и оружие, которыми наш дорогой старый профессор был так поглощен в день, когда встретил свою смерть? Говорят, они стоят того, чтобы их увидеть.

— Я видел их сегодня, — сказал Шлегель, раскуривая трубку. — Рейнмауль, сторож, показал мне склад, и я помог ему развесить на многие из них бирки согласно оригинальному каталогу музея графа Шуллинга. На данный момент можно сказать, что в коллекции не хватает одного предмета.

— Не хватает! — воскликнул Штраус. — Это опечалило бы призрак старика фон Гопштейна. Он был ценным?

— Судя по описанию, это старинный топор со стальным лезвием и гравированной серебряной рукоятью. Мы обратились к железнодорожникам, так что его, несомненно, найдут.

— Полагаю, — отозвался Штраус, и разговор сменил тему.

К тому моменту, когда фон Шлегель собрался уходить, огонь уже начал гаснуть, а бутылка рислинга опустела.

— Брр! Ну и холодная ночка! — сказал он, стоя на пороге и закутываясь в плащ. — Но зачем ты надел шапку, Леопольд? Ты же не собираешься выходить на улицу, правда?

— Собираюсь. Я иду с тобой, — ответил Штраус, закрывая за собой дверь. — Что-то мне тяжело, — продолжил он, беря друга за руку и идя с ним по улице. — Думаю, от прогулки до твоего жилища на свежем морозном воздухе мне полегчает.

Пройдя по Штеффен-штрассе, двое студентов пересекли Юлиан-плац, ни на мгновение не прекращая обсуждать самые разные вопросы. Однако, когда друзья свернули на Гранд-плац, где было обнаружено тело Шиффера, они, разумеется, заговорили об убийстве.

— Здесь его и нашли, — заметил фон Шлегель, указывая на роковое место.

— Возможно, убийца и сейчас где-то рядом, — отозвался Штраус. — Давай-ка поспешим.

Развернувшись, оба уже собирались уйти, когда фон Шлегель внезапно вскрикнул от боли и наклонился к заснеженной земле.

— Что-то прорезало мой сапог! — закричал он.

Порывшись в снегу, он извлек оттуда небольшой блестящий боевой топор, сделанный, судя по его внешнему виду, целиком из металла. Топор лежал с лезвием, слегка повернутым вверх, из-за чего и порезал ногу наступившего на него студента.

— Оружие убийства! — выдохнул тот.

— Топор с серебряной рукоятью из музея! — вскричал Штраус в унисон.

Не было сомнений, что находка являлась и тем, и другим. Двух столь причудливых предметов оружия существовать не могло, а характер ран на телах убитых говорил о том, что их нанесли чем-то подобным. Совершив свое ужасное злодеяние, убийца, очевидно, бросил топор, и тот все это время лежал, укрытый снегом, метрах в двадцати от места преступления. Невероятно, что сновавшие по площади люди до сих пор его не обнаружили; впрочем, снег был глубоким, а оружие лежало чуть в стороне от исхоженной колеи.

— Что нам с ним делать? — спросил фон Шлегель, держа топор в руке.

Заметив в свете луны, что лезвие повсюду покрывают бурые пятна, он содрогнулся.

— Отнесем его комиссару полиции, — предложил Штраус.

— Он уже, должно быть, спит. Впрочем, полагаю, ты прав. Но уже почти четыре утра. Я дождусь, когда рассветет, и отнесу его перед завтраком. Ну а пока пусть побудет у меня.

— Так будет лучше всего, — одобрил его друг.

И они продолжили свой путь, обсуждая свою поразительную находку. Оказавшись у двери Шлегеля, Штраус с ним распрощался, ответив отказом на его предложение войти, и быстрым шагом двинулся к себе домой.

Шлегель как раз наклонился, чтобы вставить ключ в замок, когда в нем что-то странно изменилось. Дико содрогнувшись, он выронил ключ из трясущихся пальцев. Правая рука молодого человека конвульсивно сжала серебряную рукоять топора, а взгляд его мстительно заблестевших глаз устремился вслед удалявшейся фигуре друга. Несмотря на ночной холод, с его лица градом лился пот. Какое-то мгновение Шлегель, казалось, боролся с самим собой, держась рукой за горло, словно в приступе удушья. Затем крадущейся, но в то же время быстрой походкой молодой человек устремился вслед за своим поздним спутником.

Штраус с усилием продвигался сквозь снежные заносы, напевая себе под нос отрывки из студенческой песенки и даже не помышляя о том, что за ним крадется темная фигура. На Гранд-плаце между ними было сорок ярдов; на Юлиан-плаце — уже двадцать; на Штеффенштрассе дистанция составляла всего десять ярдов, и фигура сокращала ее со скоростью пантеры. Наконец, когда она оказалась на расстоянии вытянутой руки от ни о чем не подозревающего Штрауса и топор холодно блестел в лунном свете, должно быть, какой-то едва уловимый шум достиг ушей молодого человека, поскольку он внезапно обернулся к своему преследователю. Содрогнувшись, он вскрикнул при виде неподвижного белого лица со сверкающими глазами и стиснутыми зубами, которое, казалось, висело в воздухе у него за спиной.

— Что такое, Отто? — воскликнул Штраус, узнав друга. — Ты заболел? Ты выглядишь бледным. Пойдем со мной ко мне... Ах! Стой, безумец, стой! Брось топор! Брось, говорю, или, клянусь небом, я тебя придушу!

Издав дикий вопль, фон Шлегель ринулся на него с поднятым в воздух оружием; однако студент был не робкого десятка. Поднырнув под замах топора, он обхватил нападавшего за талию, с трудом уклонившись от удара, который в противном случае рассек бы ему голову. Какое-то мгновение двое шатались, сцепившись в смертельной схватке; Шлегель пытался вновь нанести удар, однако Штраус отчаянным усилием сумел повалить его на землю, и они принялись кататься в снегу; вцепившись в правую руку соперника, Штраус что было сил звал на помощь. Он поступил весьма разумно, поскольку иначе Шлегель обязательно высвободил бы руку. На шум прибежали двое крепких жандармов, однако даже втроем им едва удалось превозмочь маниакальную силу Шлегеля, а вырвать серебряный топор из его руки они так и не сумели. Впрочем, один из жандармов изловчился обмотать студента веревкой, привязав ему руки к туловищу. После этого его, несмотря на яростные крики и бешеное сопротивление, толчками и волоком дотащили до центрального отделения полиции.

Помогавший усмирить своего бывшего друга Штраус сопровождал его до отделения, громко протестуя против ненужных проявлений насилия и высказывая мнение, что психиатрическая лечебница будет для пленника более подходящим местом. События последнего получаса были столь внезапными и необъяснимыми, что молодой человек и сам ощущал полнейшее ошеломление. Что это все значило? Его друг детства явно пытался его убить и едва в этом не преуспел. Но раз так, был ли фон Шлегель убийцей профессора фон Гопштейна и богемского еврея? Штраус чувствовал, что это невозможно, ведь еврея Шлегель даже не знал, а профессора просто обожал. Охваченный горем и изумлением, он механически следовал к отделению полиции.

В отсутствие комиссара в отделении его замещал инспектор Баумгартен, один из самых энергичных и известных полицейских чиновников. Это был крепкий и живой коротышка, спокойный и склонный к уединению в быту, однако обладавший величайшей проницательностью и неусыпной бдительностью. Сейчас, после шестичасового дежурства, он сидел за своим рабочим столом так же прямо, как и всегда, пока его друг, субинспектор Винкель, храпел в кресле у печки. Впрочем, даже на обычно невозмутимом лице

инспектора отразилось изумление, когда дверь распахнулась и в нее втащили фон Шлегеля с бледным лицом, в растрепанной одежде и со все еще зажатым в руке топором. Впрочем, он удивился еще больше, когда Штраус и жандармы изложили ему произошедшее, прилежно занесенное в протокол.

— Юноша-юноша, — произнес инспектор Баумгартен, откладывая перо и строго глядя на пленника. — Хорошенькое же дело вы учудили для рождественского утра. Зачем?

— Одному Богу известно! — воскликнул фон Шлегель, закрывая лицо руками и роняя топор.

Он в одночасье изменился. Ярость и возбуждение покинули его. Молодой человек выглядел совершенно убитым горем.

— Вы дали серьезные основания подозревать вас в совершении других убийств, бросивших тень на наш город.

— Нет, нет, правда! — искренне произнес фон Шлегель. — Боже упаси!

— Во всяком случае, вы виновны в покушении на убийство герра Леопольда Штрауса.

— Моего самого дорогого друга в целом мире, — простонал студент. — О, как я мог! Как я мог!

— То, что он — ваш друг, делает ваше преступление в десять раз ужаснее, — сказал инспектор сурово. — Отведите его до утра в... Но-но! Это еще кто?

Дверь резко распахнулась, и в помещение вошел человек вида настолько изможденного, что он напоминал скорее призрака, чем человеческое существо. Он шел к столу инспектора шатающейся походкой, хватаясь за каждый стул, попадавшийся ему по дороге. В этом жалкого вида субъекте сложно было узнать некогда жизнерадостного и румяного субкуратора музея и приват-доцента химии герра Вильгельма Шлезингера. Впрочем, наметанный глаз Баумгартена обмануть было нельзя.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ